

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО, КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРЕДЕЛЫ НЕСОВПАДЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2012 г. Сергей Иванович Некрасов¹

Краткая аннотация: на основе соотнесения территориального, правового и культурно-религиозного пространств сделан вывод об их несовпадении, показаны возможные проявления такого несовпадения и направления их взаимодействия; обоснована необходимость учёта моральных, этических, культурно-религиозных норм в правовом регулировании в современном мультикультурном обществе и предпринята попытка обозначить пределы (ориентир) в ограждении преобладающей в том или ином государстве (регионе) культурно-религиозной среды посредством правовых норм.

Annotation: on the basis of correlation of territorial, legal and cultural-religious space the conclusion is drawn on their discrepancy, possible displays of such discrepancy and a direction of their interaction are shown; necessity of the account of moral, ethical, cultural-religious norms for legal regulation for a modern multicultural society is proved and attempt to designate limits (reference points) in a protection of the cultural-religious environment prevailing in this or that state (region) by means of rules of law is undertaken.

Ключевые слова: территория, пространство, территориальное пространство, правовое пространство, культурно-религиозное пространство, социальные регуляторы, права человека, правовое регулирование, мультикультурное общество, толерантность.

Key words: territory, space, territorial space, legal space, cultural-religious space, social regulators, human rights, legal regulation, a multicultural society, tolerance.

Традиционные методологические принципы научного познания и научного исследования предполагают необходимость последовательного и выверенного обращения с используемыми дефинициями (тем более, когда предполагается их соотнесение). Исходя из научно-профессиональной тематики издания и преобладающего состава читательской аудитории, постараемся рассматриваемые понятия максимально юридизировать, отдавая, вместе с тем, отчет в том, что полностью это сделать вряд ли возможно и вряд ли целесообразно.

Под *территорией* в настоящей публикации понимается прежде всего пространственный предел государства или государственного (публично-правового) образования, пространственный предел государственного суверенитета, действия властных предписаний того или иного уровня властвования (в повседневной жизни термин “территория” используется в более широком звучании – “придомовая территория”, “территория предприятия”, “у ребенка в доме должна быть своя территория” и т.п.).

Понятия “территория” и “пространство” тесно и непосредственно взаимосвязаны, в силу чего, видимо, нередко употребляются как тождественные (в частности, территория может трактоваться как “земное и внеземное пространство”² или “пространство земли... с определёнными границами”³, государственная территория – как “пространство, в пределах которого...”⁴). Однако “пространство” представляется более широкой в сравнении с “территорией” категорией, исходя из понимания его как “состояния или свойства всего, что простирается, распространяется...”, “протяжённости, места, не ограниченного видимыми пределами”⁵. Поэтому пространство может быть не только территориальным, но и социальным, правовым, цивилизационным, культурным, религиозным, информационным, виртуальным и т.п. (Виртуальное пространство, безусловно, также имеет определённые пределы и возможность

² Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. С. 1084.

³ Современный словарь иностранных слов. М., 2001. С. 605.

⁴ Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. С. 1085.

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2001. С. 543.

⁶ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 622.

¹ Профессор кафедры правового обеспечения управления Государственного университета управления, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: s-nekrasov@yandex.ru).

ограничения. Так, Грузия в период вооружённого конфликта в 2008 г. закрыла доступ к русскоязычному Интернету на своей территории, Российская Федерация не присоединяется к Будапештской конвенции по борьбе с преступлениями в киберпространстве⁷. Очевидно, в обоих примерах и Грузия, и Россия исходили из национальных интересов, обеспечения государственного суверенитета на своих территориях, однако подобные ограждения своего информационного пространства всё же вряд ли можно отождествлять с границами в традиционном понимании, обозначающими территориальное пространство.) Далеко не во всех сочетаниях употребляемый термин “территория” понимается как территориальное пространство. Очевидно, когда известный культуролог Д. Дондурей говорит о “территории социализма”, он имеет в виду культурно-мировоззренческое пространство, охватывающее бывшие республики СССР и бывшие социалистические государства (и вряд ли включает в это пространство Китай, Вьетнам, Кубу или Венесуэлу)⁸. В таком же ключе следует воспринимать содержательный смысл “территории кино”, “территории Закона”, “территории ислама” (*dar al – islam*), “территории здоровья”, “территории высокой моды”, “территории любви” и т.п.

Если наложить на категорию пространства известное диалектическое свойство – единство прерывности и непрерывности, то можно предположить, что прерывность свойственна прежде всего территориальному пространству – территориальное пространство *конечно*, пределы любой территории определяются государственными либо административными границами; о непрерывности же уместно говорить применительно к внетерриториальному пространству – культурному, религиозному, мировоззренческому и т.п. (внетерриториальное пространство *бесконечно*).

С непрерывностью, бесконечностью пространства связан и вопрос преемственности в культуре, религии, праве – могут изменяться государственная принадлежность, политический строй и правовое регулирование на той или иной территории, но сохраняется традиция, поддерживающая непрерывность культурно-религиозного пространства. Ни колониальное прошлое, ни кардинальная смена государственного устройства и политического строя в Египте, Китае, Индии, во Вьетнаме не уничтожили египетскую, китайскую, индийскую культуру, культуру Индокитая; види-

мо, неистребимы традиции славянской культуры, несмотря на сложное, противоречивое, нередко трагическое историческое развитие славянских государств и народов; культура Восточной Германии в десятилетия существования здесь социалистической конституционной модели оставалась германской культурой; Тевтонский орден с момента своего основания в XII в. до нашего времени неоднократно менял место нахождения и “филиальную сеть” (Палестина, Пруссия, Австрия, Германия, Италия и др.), но сохранял религиозно-мировоззренческий стержень; территориальное расширение империй (Британской, Российской, Османской и др.) не могло искоренить культуру присоединяемых народов (хотя, безусловно, приносило в эту среду и что-то новое, нередко прогрессивное); известная политика ассимиляции в Австралии не уничтожила культурные традиции аборигенных народов (за указанную политику правительство современной Австралии недавно принесло официальное извинение, не извинившись, впрочем, почему-то за политику банального физического истребления коренных народов). (В обозначенной тенденции есть и печальные исключения. Современное состояние Калининградской области Российской Федерации даёт основание для вывода о том, что на территории бывшей Восточной Пруссии изменились не только государственная принадлежность, правовое пространство, но и пространство культурное (от культуры древних пруссов здесь практически ничего не осталось). Эта культурная традиция уже не может передаваться от поколения к поколению (на данной территории). Подобным исключением является и сохранение элементов культуры караимского народа в Крыму лишь в “неживом” выражении.)

В рамках одной государственной территории могут формироваться различные территориальные пространства с определённым функциональным назначением – внутри государства может осуществляться административно-территориальное деление, военно-административное деление и т.п.⁹ При этом все такие единицы (федеральные округа, военные округа, административно-территориальные образования, административно-территориальные единицы с особым статусом и т.п.) являются *территориальными* единицами – имеют определённую территориальную основу, территорию с определёнными границами. Однако

⁷ См.: Виртуальный мир закрыт... // Росс. газ. 2010. 12 нояб.

⁸ См.: Дондурей Д. Человека забыли! // Там же. 3 нояб.

⁹ См., в частности: Указ Президента РФ “О военно-административном делении Российской Федерации” от 20 сентября 2010 г. // Собрание законодательства РФ. 2010. № 39. Ст. 4929.

в современном мире существуют и такие пространства, по сути своей являющиеся также территориальными, но применительно к которым не вполне уместно употребление термина “территория”. Имеются в виду не только внегосударственные пространства Земли – Антарктика, акватории Мирового океана, воздушное пространство над нейтральными водами и т.п. В космическом пространстве появляется всё больше космических объектов, причём как национальных (с определённой государственной принадлежностью), так и международных. Для таких объектов также придуманы юридические термины (“условная территория”, “подвижная территория” и пр.¹⁰), однако использование классической схемы (территория в праве – это прежде всего пространственный предел действия определённых правовых норм) здесь уже вызывает определённые сложности. Правовую проблему породило первое в истории использования космического пространства столкновение российского и американского спутников в феврале 2009 г. (в результате на орбите добавилось несколько тысяч обломков). Много обломков появилось на орбите и в результате операции Китая по перехвату и уничтожению своего неисправного спутника. Какое правовое разрешение, например, могут иметь ситуации, связанные с возможным столкновением космических объектов различных государств либо таких объектов с космическим мусором, более-менее крупными обломками, “государственная принадлежность” которых известна, или международной космической станции с приближающимся пилотируемым кораблём, управляемым российским (американским) экипажем? Какие нормы (в частности, регламентирующие юридическую ответственность, возмещение вреда) здесь могли быть применимы? При проведении опроса российских космонавтов в рамках Всероссийской переписи населения 2010 г. НАСА первоначально предлагало проводить этот опрос на “российской территории” МКС – в пристыкованном к станции российском корабле “Союз” (даже в таком не очень обширном и не очень комфортном пространстве предпринимаются попытки некоего “территориального деления”, что, видимо, вряд ли целесообразно и перспективно)¹¹.

¹⁰ К подобной территории (составляющей крайне незначительную часть в сравнении с “неподвижной территорией” государства) помимо космических аппаратов относят также корабли, самолёты, морские подводные кабели, трубопроводы и т.п. (см.: Чиркин В.Е. Конституционное право Российской Федерации. Учеб. М., 2002. С. 205, 206).

¹¹ См.: Первый Скрипочка. Космонавтов переписывают только в России // Росс. газ. 2010. 19 окт.

В любом случае правовая ценность территории заключается не в её имущественной, материальной ценности (земли, недр, водоёмов, насаждений, строений, сооружений и т.п.), а в ценности пространственной – пространственном пределе действия правовых норм, пространственном пределе государственного суверенитета. Территория в праве – это не земельные участки, не земельные ресурсы, не суша, воздушное пространство – это не атмосферный воздух (как природный ресурс) и т.п.¹²

Другие предполагаемые дальнейшим анализом виды пространств – правовое и культурно-религиозное – также имеют территориальную основу, однако могут уже и не совпадать с территориальным пространством. В выражениях такого плана, как “католическая Италия”, “мусульманская Турция”, “Москва – столица православной России”, “Башкортостан – мусульманская республика”, “Джамму и Кашмир – мусульманский анклав Индии”, содержательный смысл кроется в обозначении не светских государств или субъектов федерации с многоконфессиональным составом населения (каковыми являются Итальянская Республика, Турецкая Республика, Российская Федерация, Республика Башкортостан, штат Джамму и Кашмир), а преобладающей на соответствующей территории культурно-религиозной среды¹³. Кроме того, понятия “правовое пространство” и “культурно-религиозное пространство” также не являются тождественными (при этом термин “правовое пространство” появляется уже не только в научных исследованиях¹⁴, но и в нормативных актах¹⁵, тогда как сочетания “культурное пространство”, “культурно-религиозное пространство”, “культурная среда” употребляются пока (хотя и

¹² Ярko и образно это подмечено, в частности, С.Н. Бабуриным (см.: Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб., 2005. С. 15–21).

¹³ Территориальная основа просматривается и в предлагаемой В.Е. Чиркиным типологии цивилизационных пространств, включающих не только соответствующие народы, но и страны, регионы (см.: Чиркин В.Е. Современные цивилизации и статус человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009).

¹⁴ См., в частности: Барццц И.Н. Правовое пространство России. Вопросы конституционной теории и практики. М., 2000; Егo же. Конституционно-правовое пространство России: формирование и динамика. М., 2001.

¹⁵ См., например: Указ Президента РФ “О дополнительных мерах по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации” от 10 августа 2000 г., Приказ Министерства юстиции РФ “О первоочередных мерах по активизации работы Министерства юстиции РФ по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации” от 10 июня 2000 г.

всё более активно) в публикациях, выступлениях политических и общественных деятелей, литературе и пр.). Первое предполагает сферу действия правовых норм, т.е. общеобязательных правил поведения – обязательных на соответствующей территории независимо от таких критериев, как национальность, конфессиональная принадлежность, принадлежность к какой-либо языковой или культурной группе и т.п. Культурное же пространство предполагает сферу действия неписанных норм морали, нравственности, религии, традиций и пр., которые, как известно, свойством общеобязательности не обладают, но выступают, тем не менее, очень мощным, значимым социальным регулятором для определённых социальных общностей (право – далеко не единственный регулятор общественных отношений; более того, в современном сложном обществе право, представляется, не должно выступать основным регулятором; должное – это не только то, что закреплено, предписано правом!). Несовпадение правового пространства и иных типов социальных пространств предопределяет и несовпадение таких категорий (и явлений), как правовая система и социальная система, правопорядок и социальный порядок, правовая среда и культурно-религиозная среда и т.п.

Таким образом, в основе различия рассматриваемых явлений лежит тип социальных регуляторов, инструментов социальной упорядоченности – правовых и неправовых (т.е. иных, не отождествлять с антиправовыми! – С.Н.). Моральные, этические, культурные, религиозные, нравственные, профессионально-корпоративные и иные социальные нормы не только более распространены (в сравнении с нормами правовыми), но и, видимо, более значимы для обеспечения устойчивости социума – указанные правила зачастую не имеют завершённой формализации, не всегда могут быть чётко изложены людьми, но, тем не менее, неуклонно соблюдаются (нередко более неуклонно, чем правовые нормы!)¹⁶. (Заметим, что и в юридической науке в последнее время стали появляться исследования *неформального (!) права*, неформальных правовых систем, “теневого права”, саморегулирования в праве и

т.п.)¹⁷. Прочность, устойчивость любой системы (в том числе социальной системы, социального порядка) зависят не только от основополагающих элементов и связей (роль которых выполняет право, правопорядок), но и от огромного количества иных социальных правил и отношений: традиционных, культурно-религиозных, моральных, этических, нравственных и пр.

“Наложение” территориального, правового и культурно-религиозного пространств образует интересную матрицу, позволяя выделить несколько проявлений несовпадения указанных пространств. Во-первых, в рамках одного территориального пространства могут существовать различающиеся правовые пространства при схожем (или более-менее схожем, однородном) культурном пространстве. Особые административные районы Китая – Гонконг (Сянган), Макао (Аомынь), а также Тайвань являют пример реализации принципа “одна страна – две системы”: здесь сохраняются особые правовые системы, отличающиеся от континентального Китая, система власти, экономический строй, валютно-финансовый режим и т.п.; однако по культурной традиции население этих районов представляет всё-таки китайский мир (несмотря на некоторые отличия в диалекте, цвете кожи, безусловно, – мировоззрении). До печальных событий августа 2008 г. Абхазия и Южная Осетия де-юре находились в составе Грузии (территориальная целостность которой признавалась практически всем мировым сообществом, включая Россию). Культура закавказских народов имеет очень много общих черт, однако право Грузии на этих территориях де-факто не действовало. Аналогичная ситуация имеет место в других самопровозглашённых, непризнанных или частично признанных государствах (Приднестровье, Нагорный Карабах, Палестина и др.), которые разрывают правовое пространство государств, частью которых они формально-юридически являются (Молдовы, Азербайджана, Израиля).

Во-вторых, на одной территории, в рамках одного правового пространства могут сосуществовать различные культурно-религиозные пространства. В КНР существенно отличающаяся культурная среда имеет место, например, в Тибете, Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в других автономных образованиях; отличается

¹⁶ В.Е. Чиркин отмечает, что в некоторых сообществах статус человека, например, в большей степени определяется не правом, а иными социальными нормами, в частности обычаями, принадлежностью к определённому вероисповеданию (см.: Чиркин В.Е. Современные цивилизации и статус человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. С. 177).

¹⁷ См.: Тихомиров Ю.А. Право официальное и неформальное // Журнал рос. права. 2005. № 5; Его же. Право и саморегулирование // Там же. № 9; Трикоз Е.Н. “Теневое право”: миф или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1.

культурная среда в каталонской, кастильской, баскской автономиях Испании; с 20-х годов прошлого века в Сан-Франциско весьма комфортно существует русская культурная среда с Центром русской культуры, музеем, концертным залом, библиотеками, газетами, образовательными организациями, полупрофессиональными театрами, магазинами, ресторанами, общественными организациями (включая ветеранские) и т.п.¹⁸ Далеко не едино и культурно-религиозное пространство Российской Федерации – Кавказ и Центральная Россия, поволжские регионы с преобладанием населения, исповедующего ислам, и Бурятия, Астраханская область и соседняя Калмыкия и т.п. (Культурно-религиозные различия не обязательно должны восприниматься как антагонистические – достоянием Новейшего времени следует считать не противостояние, а взаимообогащение культур; у представителей различных веры, культуры может быть схожее представление о прекрасном, о добре и зле: берёзовые рощи, Волга, озёра и плёсы Поволжья, Предуралья, Центральной России могут быть одинаково любимы христианами, мусульманами, язычниками Башкирии, Татарстана, Чувашии, Саратовской, Ярославской областей и др.). Здесь важна принципиальная оговорка. Единство территориального и правового пространств в обозначенном ключе не исключает различий в правовом регулировании, основанных на культурно-религиозных, этнических особенностях и традициях населения той или иной местности. Речь идет, в частности, о признании государством (позитивным правом) национальных обычаев в качестве правовых регуляторов. Так, Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” от 30 апреля 1999 г. содержит внушительный набор гарантий самобытного культурного развития указанных народов, защиты их традиционного образа жизни, сохранения обычаев и верований; представители таких народов вправе соблюдать свои традиции (т.е. неписанные правила) и совершать религиозные обряды, создавать общины и иные объединения в целях защиты традиционного образа жизни¹⁹. Соответствующие нормы и рекомендации содержит и международное право (например, Конвенция МОТ “О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах” 1984 г.). В многоэтниче-

ской и многоконфессиональной России накоплен опыт учета традиций малых народов в правовом регулировании (на всех этапах ее государственно-правового развития)²⁰.

В-третьих, различные государства (т.е. различные территориальные и правовые пространства) могут составлять единое (или по крайней мере достаточно однородное) культурное пространство – Европа, Прибалтийские государства, Центрально-азиатские государства, государства Арабского мира и т.п. Сближению культурных пространств призваны способствовать и глобализационные процессы (причём не только современные). Франция и Германия имеют общий телевизионный канал ARTE. В 2010 г. – году “Россия – Франция” – проводились не только выставка произведений Пикассо (который, кстати, будучи испанцем, является гордостью французского искусства) в Пушкинском музее в Москве, но и выставка “Святая Русь” в Лувре (термин “Святая Русь” как раз являет пример культурного пространства, не совпадающего в границах с Российской Федерацией). Министр культуры Франции Ф. Миттеран образно отметил: “Наша самобытность не за нами, она впереди нас... Меня поражает, насколько сильно русские художники, работающие в эмиграции, населили французское искусство... Присутствие России в *ментальном пространстве* (курсив наш. – С.Н.) французского народа огромно (со времён ещё Анны Ярославны – Королевы Франции)...”²¹.

Наконец, отметим ещё одно (может быть, не столь очевидное, дискуссионное) проявление несовпадения территориального, правового и культурного пространств. В некоторых государствах (причём, как правило, государствах развитых, с устойчивой демократической, правовой и культурной традициями!) могут иметь место серьёзные “дыры”, “порывы” в однородном культурном пространстве, проявляющиеся в массовом (не единичном и даже не групповом) отклонении от применения общепринятых культурно-религиозных, моральных, нравственных, социальных регуляторов или в “дифференцированном” применении этих регуляторов. Общепризнанные правовые и культурные ценности Четвёртой и Пятой республик (впитываемые, казалось бы, французами

¹⁸ См.: Швидкой М. Что нас объединяет? // Росс. газ. 2010. 3 нояб.

¹⁹ В.Е. Чиркин относит родовую общину коренного малочисленного народа к разновидности публично-правового образования (см.: Чиркин В.Е. Публично-правовое образование. М., 2011).

²⁰ Подробнее см.: Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010; Его же. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования // Гос. и право. 1997. № 1; Его же. Коренные малочисленные народы России и международное право // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. Сб. науч. ст. М., 2002.

²¹ Своя колея... // Росс. газ. 2010. 26 февр.

с молоком матери) не мешали продолжать колониальную политику в Индокитае (часть которого Франция до известного момента считала своей территорией) – политику, связанную не только с экономической эксплуатацией, но и с безжалостным попранием человеческих прав, уничтожением вьетнамского народа. В США, ЮАР ещё в конце XX в. сохранялись школы и иные учреждения, общественный транспорт “только для белых”, появляются информация, художественные произведения (в частности, Дж.М. Кутзее), свидетельствующие, что социальные процессы в ЮАР после падения режима апартеида нередко приобретают противоположную “окраску”. – С.Н.). Германия продолжает выплаты из казны жертвам фашизма, в том числе и гражданам Российской Федерации. При этом размер выплат дифференцирован в зависимости от категории жертв, среди которых не только люди, содержавшиеся в концлагерях, работавшие на промышленных предприятиях Германии, но и лица, работавшие в домашних хозяйствах немецких граждан. Следовательно, огромное количество представителей культурной немецкой нации, живших в государстве с формально не отменённой прогрессивной Веймарской конституцией, не гнушались использовать в своих домах принудительный труд пригнанных из славянских государств (прежде всего из СССР) работников, среди которых были и дети. Можно сколько угодно предполагать, что к таким работникам “хозяева” относились хорошо (или даже очень хорошо), однако очевидно, что образованные немцы не могли не осознавать того, что такие работники находятся в их домовладениях в состоянии несвободы, фактически на положении рабов (ведь к рабам или крепостным крестьянам отношение рабовладельцев или дворян нередко также было достаточно хорошим, добрым, но это не делает институты рабства или крепостной зависимости морально оправдываемыми).

Несовпадение рассматриваемых пространств, во-первых, не является абсолютным – поле их совпадения всё-таки больше полей несовпадения, а во-вторых, не только не исключает, но и предполагает их тесное взаимодействие.

Правовые нормы (изначально выросшие из неписаных правил обычаев, религии, нравственности) ориентируются на нормы морали, а зачастую и воспроизводят последние (в первых конституциях мира, в том числе в русских проектах, содержатся даже текстовые совпадения с положениями уставов масонских братств и орденов). В то же время полное тождество указанных правил и невозможно, и нецелесообразно. Именно несов-

падение правовых и нравственных норм позволило У. Сьюарду заявить: “Есть Закон и выше Конституции” в обоснование необходимости отмены рабства в США – будущий госсекретарь США имел в виду Закон Божий, в силу которого все люди, независимо от цвета кожи, равны²². [Не это ли имел в виду и Поэт, предупреждая: “Владыка! Вам венец и трон / Даёт Закон – а не природа; / Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас Закон”?]. Для евреев Израиля Основным законом является Тора (может быть, поэтому в Израиле до сих пор нет кодифицированной конституции?). В России такие важные правовые акты, как судебники, уложения, Основные законы, никогда не отождествлялись (ни по тексту, ни по содержанию и значению) с Законом Божиим. Однако это не сделало правовые и иные социальные регуляторы антагонистическими. В.Д. Зорькин, ратуя за формирование в обществе модерна своеобразного культа права, превращение права в “эффективную светскую религию”, обращает внимание на органическое единство эстетического (т.е. прекрасного), этического (*т.е. правового*) (курсив наш. – С.Н.) и гносеологического (т.е. истинного в научном смысле этого слова)²³. Текст Манифеста просвещённого консерватизма “Право и Правда” Н.С. Михалкова²⁴ буквально пронизан идеей единства права, культуры, традиции, религии, нравственности (пока оставим за скобками оценку этого ёмкого документа, вызвавшего оживлённую дискуссию в обществе, что само по себе уже неплохо для современной России. – С.Н.).

В 80–90-е годы XX в. в развитых государствах стали появляться признаки замещения национального общества обществом мультикультурным. В настоящее время такие общества сформировались практически во всех европейских государствах, а также в США, Канаде, Австралии (азиатские, африканские, латиноамериканские государства остаются в большей степени монокультурными; глобализационные процессы, безусловно, не могли обойти стороной и эти страны, однако здесь (в частности, в Китае) в большей степени оказалась

²² См.: Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Е., Ланчиков В.К. Политика и крылатика. Высказывания деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады. М., 2004. С. 183 (Цит. по: Багдасарян В.Э. Конституция как ценностно-мировоззренческий феномен // Конституция и доктрины России современным взглядом // Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. М., 2009. С. 28).

²³ См.: Зорькин В.Д. Необходима осторожность // Росс. газ. 2010. 16 апр.

²⁴ См.: URL: <http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest.html>

востребованной идея глокализации²⁵ – сохранения определённой локальности своих экономик, культур, традиций в рамках межгосударственной интеграции; особенно рельефно данный подход проявился в период мирового экономического кризиса). В правовых исследованиях справедливо обращается внимание на то, что аккультурация (процесс приобретения одним народом тех или иных форм культуры другого народа, общий процесс восприятия акторами (субъектами, индивидами. – С.Н.) верований и поведенческих моделей окружающей культуры) является одним из механизмов взаимодействия международного и национального права, оказывает влияние не только на индивидуальных акторов, но и на организации, включая государство²⁶. Специфика российского общества заключается в том, что оно не *стало*, а практически изначально *было* мультикультурным – на всём протяжении своей истории Российское государство было многонациональным (многонациональным, полиэтническим) и многоконфессиональным. Формирование мультикультурного общества имеет не только положительную окраску (проявление свободы личности, взаимообогащение культур, экономический рост и т.п.), но и негативные проявления. Поведение, действия нового культурно-религиозного меньшинства могут нарушить социальное спокойствие, вызвать возмущение большинства и даже “взломать культурный, нравственный, религиозный код общества” (терминология В.Д. Зорькина. – С.Н.)²⁷.

И вот в таких напряжённых ситуациях (когда моральные, культурные, религиозные каноны не совпадают) неправовые социальные регуляторы должны уступать место правовым, ибо только правовые нормы (в отличие от культурно-религиозных, этических, нравственных) основаны на принципе формального равенства, обладают свойством общеобязательности (т.е. распространяются в равной мере на всех граждан, незави-

симо от принадлежности к этнической, религиозной, культурной, языковой группе) и обеспечены возможностью применения государственного принуждения. Не совпадать могут не только различные неправовые (в частности, религиозные) социальные регуляторы, но и такие правила с правовыми нормами. В таких ситуациях ни одна негосударственная структура (профессиональная корпорация, церковь и т.п.), ни одна социальная общность (семья, общественное объединение, академическая среда, религиозная община и т.п.) не вправе прикрываться своими корпоративными нормами и отгораживаться от деятельности (в том числе деятельности контрольно-надзорной, правоохранительной) государственных органов, осуществляемой на основе и в рамках правовых предписаний. Поэтому абсолютно правомерны и требования общества к руководству Ватикана, к Святому Престолу о проведении объективного расследования на основе светских правил известных нарушений со стороны священнослужителей католической церкви, к деятельности государственных и общественно-государственных структур Российской Федерации (прокуратуры, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченного по правам ребёнка при Президенте РФ, Общественной палаты РФ и др.) в Свято-Боголюбовском монастыре во Владимирской области в связи с совершёнными правонарушениями в отношении детей.

В то же время правовое регулирование (в широком смысле – не только правотворчество, т.е. создание правовых норм, но и правоприменение) не может не учитывать этическую, культурно-религиозную, нравственную составляющие. Однако такой учёт, взаимодействие правовых и иных, прежде всего культурно-религиозных, социальных регуляторов должны быть *предельно* взвешенными, *предельно* выверенными, *предельно* толерантными, *предельно* уступчивыми. “Предельно...” – следовательно, имеющими пределы. Альтернатива предельности – только беспредельность, а беспредельная толерантность, беспредельная уступчивость – это уже путь к крушению социального порядка, к хаосу.

Одинаково недопустимы и опасны, в частности, как воинствующий атеизм, так и воинствующе-искажённая вера. Можно сколько угодно говорить о том, что преступность не имеет национальности и вероисповедания, однако статистика участвовавших в террористических актов в мире свидетельствует о том, что указанные акты практически никогда не совершаются с именами Христа или Будды на устах. Напротив, органи-

²⁵ Авторство термина “глокализация” связывают с именем профессора Гарвардского и Пекинского университетов Ту Вэймина (см.: Философия права и конституционализм (Материалы четвёртых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца) / Отв. ред.: В.Г. Графский, М.М. Славин. М., 2010. С. 237).

²⁶ См.: Goodman R., Jinks D. Incomplete internalization and compliance with human rights law // European j. of international law. Oxford, 2008. Vol. 19. № 4. P. 726 (цит. по: Права человека: законодательство и судебная практика. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Конюхова. М., 2009. С. 53, 54 (изложение-перевод К.Ф. Загоруйко)).

²⁷ См., в частности: Дмитриев А.В. Миграция и противостояние цивилизаций // Всеобщая Декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов.

заторы и исполнители таких злодеяний, с неким наслаждением берущие на себя ответственность за их совершение (в том числе и во время религиозных праздников – христианских, иудейских), позиционируют себя с приверженцами ислама, борцами с “неверными”. (Мы сознательно не называем указанных преступников верующими, мусульманами, поскольку подлинный верующий, независимо от конфессиональной принадлежности, никогда не пойдёт на лишение жизни невинных людей; здесь речь идёт именно о позиционировании своей принадлежности к исламской религиозно-культурной среде. – С.Н.). В выступлениях участников представительного Ярославского форума среди вызовов (угроз) национальной и международной безопасности неоднократно назывался исламский экстремизм²⁸. Очевидно, именно отмеченная реальность предопределяет то, что в европейских государствах преобладающая культурная среда всё чаще защищается правовыми средствами.

Сосуществование этносов в современном государстве, различных культурных пространств в одном правовом пространстве, правовое регулирование в мультикультурном обществе возможны только в контексте *толерантности*. Преломив понятие толерантности в отношении индивидов, предложенное А.А. Гусейновым²⁹, к отношениям этносов, религиозно-культурных групп, можно её определить как терпимое отношение этноса (религиозной, культурной, языковой групп) к различиям, которые им (ей) самим (самой) оцениваются негативно; при этом терпимость к различиям состоит в отсутствии корректирующего воздействия, т.е. установки на то, чтобы снять, преодолеть их. Толерантность предполагает, во-первых, право быть другим, право быть непохожим и, во-вторых, признание этого права за другим (другими), т.е. способность и необходимость управлять своим поведением (в том числе создавая определённые правила). Однако толерантность не означает молчаливого смирения; в определённых случаях толерантность предполагает и обязывает быть нетолерантным, давать оценку (в том числе правовую), при необходимости – и отпор соответствующему поведению другого, поведению меньшинства (в том числе меньшинства этнического, культурно-религиозного). Общество вправе и должно уметь себя защищать, в том числе

правовыми средствами. Права человека (высшая правовая ценность в западной, либеральной конституционно-правовой традиции) могут быть не только индивидуальными, но и коллективными. Возможное несовпадение правового и культурно-религиозного пространств предопределяет то, что право конкретной страны может ограждать культурную среду большинства. Осознание этого, видимо, можно считать тенденцией, проявляющейся во многих европейских государствах. Правовое регулирование в рассматриваемом аспекте может быть как позитивным (закрывающимся в создании правил активного поведения, обязываний, предписаний), так и негативным (закрывающимся в установлении определённых правовых запретов, подкреплённых соответствующими санкциями, мерами юридической ответственности).

Некоторые иллюстрации в обозначенном ключе: отрицательный результат недавнего общенационального референдума в Швейцарии о допустимости строительства минаретов, законодательный запрет “полной вуали” в Бельгии и во Франции и частичный аналогичный запрет в Италии³⁰, отказ правительства Германии от политики “мульти-культи” (от мигрантов здесь уже требуется не только выполнение определённых трудовых функций, но и интеграция в немецкое общество; с 2009 г. становятся обязательными “курсы по интеграции”, предполагающие изучение немецкого языка в объёме 600 (!) часов, а также истории и политико-правовой системы ФРГ в объёме 45 часов)³¹. В ряде европейских государств (Франция, Италия и др.) ужесточается миграционная политика, включая депортационные мероприятия, по отношению не только к незаконным мигрантам, но и к гражданам других государств Евросоюза, пребывание которых признаётся “нежелательным”³².

Если в приведённых примерах *правомерность* принятых решений особого сомнения не

²⁸ См.: Ещё раз об архитектуре безопасности // Росс. газ. 2010. 15 окт.

²⁹ См.: Гусейнов А.А. Толерантность, права человека, диалог культур // Всеобщая Декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. С. 34.

³⁰ См.: Прикрыла личико – 500 евро... // Росс. газ. 2010. 6 мая; Паранджа раздора... // Там же. 4 мая; Открыть лицо республики... // Там же. 13 мая; Глаз народа... // Там же. 16 сент.

³¹ См.: Меркель пригрозила иммигрантам // Там же. 19 окт.; Как это будет по-немецки... // Там же. 21 окт.; Выслать замуж из страны // Там же. 1 нояб.

³² См.: Гостей попросили уйти по-хорошему // Там же. 8 нояб. (Поскольку в скобках без особого труда читается, что подобные меры применяются прежде всего в отношении граждан Восточно-европейских государств, в частности цыган, заметим, что в 1971 г. на Всемирном цыганском конгрессе в Лондоне цыгане признали себя *единой экстерриториальной нацией* – это, безусловно, затрудняет восприятие пределов культурного пространства цыганского этноса. – С.Н.).

вызывает (несмотря на высокий накал страстей в обществе), то появляются и иные примеры, в которых вывод не может быть столь однозначным. Итальянское общество буквально взорвал недавний (ноябрь 2009 г.) вердикт Европейского Суда по правам человека по делу “Лаутси против Италии”, поддержавший заявительницу (итальянскую гражданку финского происхождения) в требовании удалить христианские распятия из помещений государственных школ. В апелляции, поданной в Большую палату Европейского Суда по правам человека правительством Италии (правительством светского государства), приведены следующие аргументы: христианство и его символика являются фундаментом многовековой итальянской культуры и цивилизации. Принятое решение наносит непоправимый удар по религиозным чувствам большинства верующих страны. Распятие – символ не столько католической веры, сколько *культурной самоидентификации* итальянской нации. (Примечательно, что позиция итальянского правительства нашла поддержку большого количества других государств Совета Европы (а некоторые из них, в том числе и Россия, участвуют в процессе в качестве третьей страны), общественных организаций, депутатов Европарламента, Русской Православной Церкви)³³.

В той же Италии на уровне ряда муниципалитетов принимаются решения о возведении бетонных высоких стен, отгораживающих определённые жилые районы, предприятия, организации от соседних районов с процветающими наркоманией, проституцией, цыганских таборов и т.п. Правомерность возведения подобных “сооружений” вызывает большие вопросы. Всё-таки эти стены – не подобие пресловутой “павшей” Берлинской стены, забора между США и Мексикой, “Стены безопасности”, отгораживающей Израиль от Палестинской Автономии (по сути, перечисленные “заборы” разграничивают государства или по крайней мере государственно-правовые пространства, в Италии же имеет место возведение “внутренних перегородок” в рамках одного государства, одного правового пространства)³⁴. В любом случае и приведённые примеры свидетельствуют о том, что общество для защиты своей традиционной культурно-религиозной среды прибегает в том числе, к правовым средствам.

Таким образом, Европа “проснулась”, осознав, что огромное количество мигрантов – это

не только добросовестные наёмные работники (довольствующиеся зачастую не самой высокой заработной платой), но и всё более увеличивающаяся часть общества, а нередко и натурализованные сограждане. Для сохранения социального спокойствия необходимо не только помогать иностранцам интегрироваться в новое общество, но и ограждать, защищать традиционную культурно-религиозную среду. Обозначенная проблема не менее (а может быть, более) актуальна для современной России, на территории которой проживает огромное количество народов со своими моральными воззрениями, культурными традициями, которые далеко не всегда представляются понятными и приемлемыми для других народов, других социальных групп.

В современном государстве преобладающая в том или ином регионе (либо в государстве в целом) культурная среда должна ограждаться (защищаться, обеспечиваться) правом. Поэтому на основе международно-правовых норм (в частности, ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 9, ч. 2 ст. 10, ч. 2 ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), а также положений национального законодательства (в частности, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) может осуществляться правовое регулирование, направленное на защиту общественного порядка и нравственности и связанное с некоторым ограничением прав и свобод граждан.

Представитель той или иной этнической, культурной, религиозной группы, оказавшийся в иной для себя культурной среде и намеревающийся в этой среде следовать исключительно своим традициям и канонам (на что он, безусловно, имеет гарантированное право!), должен, видимо, быть готов не только к определённым стеснениям своего личностного комфорта (очевидно, никаб, паранджа по-разному воспринимаются в Объединённых Арабских Эмиратах и Нидерландах, северокавказских республиках России и в московском метро, а шорты, чрезмерно открытая женская одежда – на пляже и в мечети или в православном храме; свобода однополрой любви, например, может быть признаваема и даже легализована правовыми нормами светского государства, но при этом может получать далеко не такую же спокойную, нейтральную оценку в обществе с преобладающей культурно-религиозной традицией), но и к более настороженному отношению к себе, к применению в отношении себя предусмотренных законом превентивных мер (например, более частым проверкам документов, удостоверяющих личность, более тщательному личному досмотру, а также досмотру транспорта, багажа, помеще-

³³ См.: Символ веры попал на скамью // Росс. газ. 2010. 30 июня.

³⁴ См.: Табор упёрся в бетон // Там же. 18 окт.; Эти стены не пробить // Там же. 25 окт.

ний, в которых располагается та или иная община, надзору компетентных государственных органов за проводимыми мероприятиями и т.п.).

Высказав данную (безусловно, небесспорную!) позицию, обозначим ещё один ограничитель (ориентир) в правовом регулировании межкультурных отношений. Представитель этнического, культурно-религиозного меньшинства, находящийся в другой культурной среде, должен быть уверен в гарантировании государством своих индивидуальных конституционных прав и свобод (в частности, свободы совести, права на национальную и культурную самоидентификацию и др.). Российская практика свидетельствует, что и в судебном порядке можно оспаривать (в том числе успешно) запреты женщинам-мусульманкам фотографироваться на паспорт в платках, представителям определённой конфессии покидать организацию в рабочее (учебное) время для совершения религиозных обрядов, представителям сексуальных меньшинств проводить манифестации, требование об обязательном изучении государственного языка республики в том же объёме, что и русского языка, и даже текст государственного гимна, как противоречащий индивидуальным убеждениям человека.

Вопрос о пределах в правовом регулировании – крайне сложный, вряд ли однозначно решаемый.

Определение границ, пределов, стандартов в социальной жизни не всегда возможно, а иногда и опасно, поскольку любая стандартизация – проявление претензии на исключительность. Вправе ли кто-либо брать на себя смелость убеждать население и руководство Саудовской Аравии в том, что всеобщее и равное избирательное право – некий универсальный демократический стандарт, или северокорейское общество в том, что индивидуалистическая концепция статуса личности более прогрессивна, чем коллективистская? Очевидно одно – речь, безусловно, не может идти о каком-либо репрессивном регулировании, установлении сверхжёстких запретов в отношении представителей культурно-религиозного меньшинства на соответствующей территории (И.А. Ильин справедливо отмечал, что «запуганный “не смеет” до тех пор, пока не осмелится, а раз осмелившись, он без стеснения изливает свою злобу и осуществляет свою ненависть»³⁵). В нахождении меры в правовом регулировании межкультурных отношений в мультикультурном обществе и заключаются дееспособность, мудрость власти. Задача же науки (причём не только юридической) – помогать власти в поиске этой меры.

³⁵ Ильин И. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 428.